Нацкий Д. И.

Годы империалистической войны (1914–1917 гг.). Из воспоминаний современника [1]

28 июня 1914 г. Сараево — в Боснии, где проходили маневры австро-венгерской армии, сербский гимназист Гавриил Принцип убил приехавших на маневры наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жену. Заправилами Австрии и Германии это использовалось, как повод к началу давно подготавливавшейся общеевропейской войны. Сербии был предъявлен неприемлемый для нее ультиматум, а 19 июля была объявлена мобилизация русской армии.

В день опубликования в газетах австрийского ультиматума — 15 июля, мы со Львом Константиновичем Башкатовым ехали в гости в Кузьминку к А. Р. Кошелеву, который в тот день праздновал свое рождение. Обсуждая события, мы пришли к выводу, что ультиматум будет отвергнут, и за этим последует война между Австрией и Россией. Лев Константинович, как офицер запаса, был уверен, что скоро ему придется отправляться на войну.

Среди гостей Кошелева тоже все считали, что война неизбежна, что омрачило празднование дня рождения хозяина.

Город наполнился мобилизованными запасными и их родственниками, которых расквартировали по обывательским домам. К нам было назначено восемь человек. На самом деле, их было больше за счет родни, жен и детей. Мы им сочувствовали, и наш большой двор представлял ярмарочную площадь с лошадьми и телегами. Люди расположились по сараям и амбарам, а матерям с грудными детьми мы разрешили поместиться на кухне. Переполнение города продолжалось больше недели, пока мобилизованных не отправили к месту назначения. Следом за объявлением в России мобилизации, Германия в ультимативной форме потребовала прекратить, и в ответ на наш отказ объявила России войну, за ней последовала Австрия.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для Державнаго государства требованія.

Предлагъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнулъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла къ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австрія Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля заявленію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутренніе распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

❒ Высочайший манифест о вступлении России в войну. 1914 г

1 августа 1914 г., как и в других городах, в Лебедяни организовался, так называемый, «дамский комитет» с целью пошивки белья для призванных в войска и раненых, где сначала участвовали моя жена и Елена Александровна Бехтеева, но из-за честолюбивых интриг жены врача Аронова и городского головы Чурилина, они перенесли свою работу в Лебедянское отделение Российского общества Красного Креста, где Елена Александровна была председательницей, а я товарищем председателя, где мы успешно работали всю войну. Наша просторная квартира превратилась в мастерскую по кройке белья для лазаретов действующей армии. Шить раздавали желающим бесплатно, а остальным платили за работу. Кройкой белья руководила

❒ Части русской армии выступают в поход. 1914 г.

❒ Знак Российского Общества Красного Креста

моя жена, и она же работала в качестве закройщицы. Готовое белье собиралось в нашей квартире. Я упаковывал его в ящики и отправлял на станцию для отсылки по назначению. Наше отделение Красного Креста собирало средства для оплаты этой работы и отправки солдатам действующей армии. Подарки укладывались в ситцевые мешочки, которые могли использоваться в качестве кисетов для табака. В некоторые мешочки дети клали письма с указанием обратного адреса и получали ответы от солдат. Пожертвования собирались разными путями. Так, я с Бехтеевой обошли с этой целью все кельи Сезеновского женского монастыря, где нам удалось увидеть разные рукоделья монахинь, главным образом, шерстяные ковры, сотканные из цветной шерсти красивыми узорами, чем славился этот монастырь. Кроме того, также по заказу там выполняли вышивки гипюром и гладью.

В пользу Красного Креста было устроено два концерта и сбор вещей, которые продавались с аукциона, а выручку использовал Красный Крест. За свою

❒ Офицеры квартировавшего в Лебедяни 39–го пехотного Томского полка и представители городских властей. Лебедянь, 1913 г.

❒ Напутственный молебен перед выступлением на фронт. 1914 г.

работу мы получили знаки Красного Креста, а я еще и орден Анны второй степени. В Лебедяни открылись лазареты. Пленные австрийцы помещались в военные казармы, а оттуда направлялись на сельхозработы по уезду. В 1915 году хлынула волна беженцев, эвакуируемых в принудительном (и добровольном) порядке из прифронтовых мест. Это была голь и нищета: белорусы и евреи из черты еврейской оседлости.

Еще в 1912 или 1913 годах в Лебедянь был поставлен батальон Томского пехотного полка и квартиросдатчики предпочитали их гимназистам. Через год батальон перевели в г. Козлов, где квартировали остальные солдаты Томского полка. Во время войны в Лебедянь перевели из Ливен запасный пехотный полк. Солдаты жили в бараках, построенных на ярмарочной площади, а офицеры — по квартирам. Домохозяева выгоняли гимназистов и поселяли более выгодных офицеров.

(…)

С приходом в Лебедянь запасного полка условия нашей жизни на квартире Иншаковой ухудшились, так как во флигеле поселился офицер Лачинов с семьей, денщиками и огромным хозяйством. Он привез из Ливен свиней и до 300 голов домашней птицы. Все это он содержал на бесплатном корму и уходе. Каждый день солдаты приносили печеный хлеб и кашу. Зрелище расхищения солдатского продовольствия было крайне неприятно.

В запасном полку формировались маршевые роты для отправки вместе с офицерами на фронт. Лачинов оставался в тылу, закармливая полковое начальство и приезжавших начальников, благо все эти угощения ему ничего не стоили. Когда он явился на наш двор, то начал было выносить наши вещи из одного из амбаров, но я воспротивился этому. Только в конце войны после Февральской революции Лачинов отправился в действующую армию. После Октябрьской революции он вернулся в Лебедянь, во флигель, где жила его семья, простым обывателем. Одну комнату он сдавал офицеру Шейхалову с дочерью и ребенком — мальчиком Люсиком. Шейхаловы были люди хорошие, и мы водили с ними знакомство.

Лев Константинович Башкатов, артиллерийский офицер, участник Русско-японской войны, был мобилизован в 1914 году и командовал противоаэропланной батареей. Жена его очень скучала и почти каждый день приходила к нам. Кроме своих двух дочерей, Тани восьми лет и Кати — пяти у нее жили переселившиеся из Ливен ее мать — вдова Мария Ивановна Головина с дочерью Шурой, лет десяти. Одна из дочерей Марии Ивановны была учительницей в с. Троекурове, в десяти верстах от Лебедяни. Позже в Лебедянь приехала из Сирии другая дочь Марии Ивановны, тоже Маша. Она служила учительницей в школе, содержавшейся русским правительством в Триполи. После начала войны и присоединения Турции к нашим противникам, русских из Сирии эвакуировали. На короткое время приезжала еще одна дочь — Анастасия, раньше тоже служившая учительницей в Сирии. Старшая дочь Марии Ивановны, Пелагея, была учительницей математики в Ливенской гимназии.

(…)

Война породила дороговизну. Служащим стали давать прибавки к жалованью, но они не успевали за повышением цен на продукты и предметы первой необходимости. Призывали все новые возрасты и этим обессиливались крестьянские хозяйства. Свободная закупка хлеба у крестьян уже не покрывала нужд военного ведомства, началась принудительная поставка по разверстке. Нарастало недовольство неумелыми и недобросовестными действиями правительства, пошли слухи об измене военного министра Сухомлинова, Мясоедова. Когда осенью 1916 года ораторы вновь созванной Думы стали открыто критиковать правительство, стало ясно, что дальше так продолжаться не может, и в феврале 1917 г. самодержавие пало.

Примечания:

1 Нацкий Д.И. Мой жизненный путь. - М., 2004. С. 277-282.